

— Придумай, говорит, что-нибудь такое испанское. У них тогда гастроли в Испанию намечались. Я перечел Дон-Кихота — довольно странное ощущение. Понимаете, у него крыша поехала, и ему стало хорошо. Он живет полной жизнью, дышит полной грудью, влюбляется, совершает самые разнообразные подвиги. И вот, когда безумие его рассеивается и он приходит в себя, когда он очнулся и увидел, как оно все на самом деле, он тут же умер. От ужаса. Выздоровел — умер. Это все про нас. Про наши головы. Пожалуй что, про всю нашу страну: очнулись и умираем.

Ну и, конечно, Испания, Испания... Почувствовать себя испанцем оказалось вовсе нетрудно. Возможно, в какой-то предыдущей жизни я был испанцем. Это во мне очень глубоко — просто надо вспомнить. Вы верите в переселение душ? Для меня это не абстрактная такая головная идея, не концепция. Некое достоверное, не нуждающееся в обосновании чувство. Все это было уже когда-то. И пейзаж с гравюры, и звук звучал. Только записать. Я вообще пишу не от головы. У меня такое чувственное восприятие. Мне инструмент нужен, клавишу тронуть.

Я очень театр люблю. Зайти за кулисы люблю. Там такой неповторимый, специфический запах. Быть на репетициях. Вообще для меня время в театре самое что ни на есть счастливое. Хотя я уж там хлебнул выше всякой меры.

“Оптимистическую трагедию” в Станиславском и Немировиче-Данченко ставили. Сколько я там от оркестра претерпел. Вещь сложная, играть трудно. А автор кто? Да неизвестно кто! Молодой, а туда же. Откуда он вообще взялся? Свалился на нашу голову. Потом, правда, все заладилась.

86-й год. Самое что ни на есть переломное время. Вообще идея-то была сумасшедшая — революционная тема в балете (и не только в балете) себя к тому времени уже прочно дискредитировала. Но я-то что хотел: чтобы героем было не событие, не революционные массы, а живое страдающее лицо.

Ставил Брянцев — главный балетмейстер театра. Он прекрасно работал. Такая живая, интересная вещь получилась. Тогда еще художники существовали. Сколько же они мне крови попортили, сколько нервов помотали! Подходит после просмотра чиновник один и говорит: слушай, чувак, я что не понял, наши победили? Или нет?

На премьеры лично присутствовал товарищ Демичев, большая честь, ручку жал. Толку-то: все равно министерство не купило. Год работы. Понимаете, год работы, заказанная вещь, и — не купили! Часть жизни. Тяжелый труд. Финансовая катастрофа. А сколько таких катастроф потом было! Я же большие вещи делаю, месяцы работы.

А через год сгорела моя “Оптимистическая трагедия”. Оптимистическая! Насмешка. Какой там оптимизм. То есть в буквальном смысле сгорела — декорации сгорели. Левенталь делал — главный художник Большого. О, какие силы! Тяжелая артиллерия. Интересный получился спектакль. Сгорел балет — материализованная метафора в разных формах преследует всю жизнь. На возобновление, понятно, денег уже не было.

Вы меня правильно поймите: я вовсе не жалуясь, не хочу себя представлять жертвой ужасных обстоятельств. Этим кто только сейчас не занимается. Да ведь это неумно. А впрочем, что значит умно, неумно. Прагматически точно. Душили, дескать, нас при беспощадном коммунистическом режиме.

В молодости я писал музыку для цирка, для цирковых номеров. И цирк люблю, и людей люблю тамошних — “цирковых”, и байки их люблю. Ведь их послушать, один в клетке со слоном родился, другой с трапеции упал, третьего питон душил, четвертого медведь ел. Вот так многие сейчас про советскую власть рассказывают — всех их питон душил и медведь ел. Все уехавшие на этом карьере делают. Ну, хорошо, хорошо,

не все, скажем так — многие.

Значит, питон, собака душили, а играли одну только “секретарскую” музыку. А кто же эти ужасные секретари были? А эти ужасные секретари были Хренников, Шостакович, Эшпай. Уж никак и ничем не хуже их критиков нынешних.

Да-да, и Хренников. Я считаю, что он отменный композитор. Уж кто только в него камень теперь не бросит — хороший тон. А ведь за все годы террора — это когда он секретарствовал — в Союзе композиторов ни одного расстрелянного! Да сравните с Союзом писателей! А насчет музыки — спросите любого профессионала. Он вам скажет то же самое. А поливают его, я так считаю, — исключительно от зависти и неблагодарности.

Я вообще это время с питоном и с медведем вспоминаю отчасти даже и ностальгически. Хотя поколению моему, в общем-то, конечно, не повезло. С одной стороны,

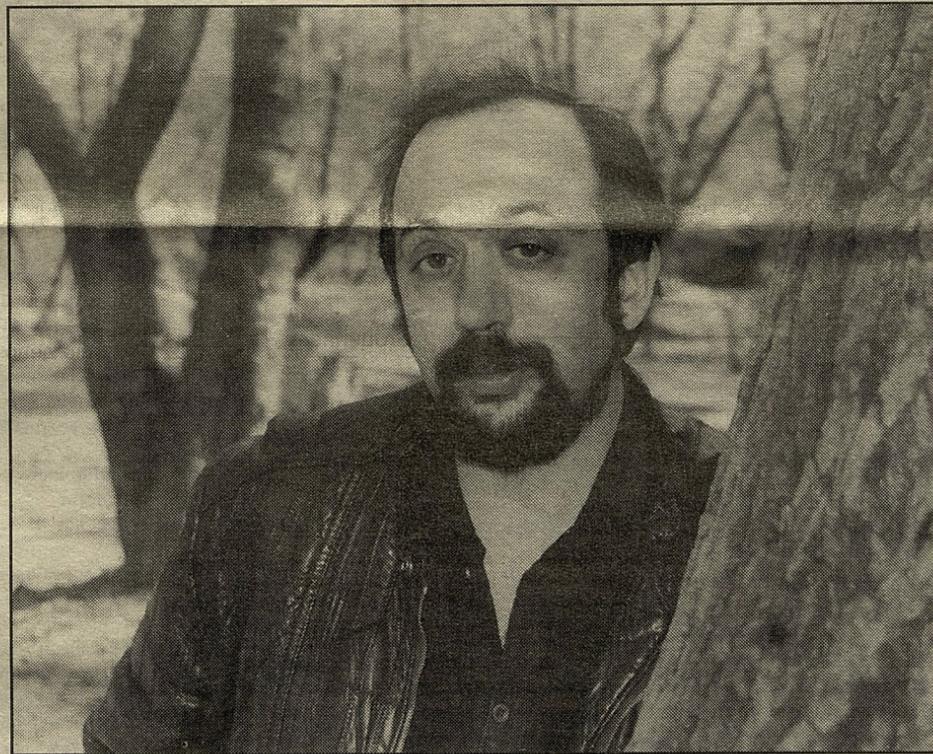
БРОННЕРОВСКОЕ

Монолог о музыке

Зеран и сцена. — 1995. — 13-20 июля (№27). — С. 14-15

только стали мы на ноги становиться, подтягиваться к тем горизонтам, за которыми видны уже и даже как бы и осязаемы всяческие материальные блага, как они рассеялись вместе и с этими горизонтами, и со всей нашей прошлой жизнью. А с другой стороны, нет уж тех молодых сил, что у следующего поколения. Мы как-то посередке оказались.

Но все равно кое-что и нам от той прекрасной застойной жизни обломилось.

Был, скажем, такой композиторский семинар в Иваново. можно было в тамошнем Доме творчества за гроши какие-то месяц жить и работать. Там собиралась такая прекрасная космополитическая компания: уйгурка, армянин, азербайджанец, латыш, молдаванин. Так подумаешь: как бы нарочно подобралось. Все молодые, веселые, талантливые. Любили друг друга. И ждали это Иваново не только для работы, но и для общения. Встреча — праздник. И эта среда как-то формировала, воспитывала. И в профессиональном, конечно, плане. Я у всех у них многому научился, многое почерпнул, и потом, конечно, использовал. Я им всем благодарен. И с теплотой, и даже с нежностью эти ивановские встречи и посиделки вспоминаю. Ну и что теперь? Расползлись по своим углам. Не все руку другу другу подают. Вот, дожили. Замкнутость, упертость — это ведь смерть искусства, конец творческого человека.

Если вы меня спросите про национальность, я отвечу: моя национальность — композитор. Да. Так я это ощущаю. Музыка — она ведь границ не знает. У меня есть и “русские”, и “английские”, и “немецкие” вещи. Есть Фаиз Ахмад Фаиз — такой пакистанский поэт, классик, лет десять назад умер, очень его в разных мусульманских странах почитают. У меня на его стихи кантата — тоже ведь отчасти музыкальное ивановское эхо.

Я вообще тексты люблю, драму люблю,

Автор многочисленных произведений самых разнообразных музыкальных жанров, композитор Михаил Броннер родился в 1952 году, в 76-м закончил Московскую консерваторию, а в 80-м аспирантуру.

Музыка, как правило, неразрывно связана у него со словом. Он включает в свои концерты и кантаты своеобразные литературные антологии. Таковы, к примеру, “Вересковый мед”, в которой соседствуют стихи Стивенса, Блейка и Милна, и “Из русской поэзии”, объединяющей Пушкина, Дельвига и Боратынского. Россия, Европа, Восток. классика и современность — голоса целых культурных миров вольно и естественно звучат в музыкальном пространстве московского композитора, открытом на все четыре стороны света.

Муза Михаила Броннера заключает союз не только со словом, но и с пластикой, и со сценическим движением: композитор свободно чувствует себя и в оперном искусстве, и в балете, и в музыке для театра. Радиослушатели могли не так давно слышать постановку Дарелла “Моя семья и

стихи. Я читаю, кручу туда-сюда, думаю, компаную, выстраиваю. Вообще слово, звучащее в музыке, звучащее в мощном разноголосом хоре — это такая сила!

Люблю с детьми работать. И для детей. Оперу написал “Холодное сердце” по сказ-

Я отобрал из дневника Анны Франк, из всей этой книги 12 строк, они из разных мест, я их отобрал и смонтировал. Они все о природе. Это взгляд девочки на мир. Солнце. Темно-синее небо. Цветущие каштаны. Весна, которую эта девочка Анна,

кам Гауфа. Опять в стол. Ну, что за дела! Не поставили. Прямо-таки рок какой-то. Понимаете, что значит оперу в стол написать? А вот “Золотой остров” два года у Натальи Сац идет. Тоже опера. Либретто Сергея Козлова. Знаете “Ежик в тумане”?

Аня чувствует каждой клеточкой своего тела, которую она чувствует своим сердцем. Возможность без страха смотреть на чистое небо и всякое такое. Единое чувство чистоты сердца, чистоты неба и необходимости и вечности счастья.

Анна Франк появляется в самом конце. в отличие от других солистов, которые все время на сцене. И она поет все это, но мы-то знаем то, чего она не знала, когда заносила про свечечки на каштанах своим ученическим почерком в тетраточку. Она поет и ее слова подхватывает хор. Это молитва “Ани маамин” — “Я верую”. Я верую полной верой. Хор поет фрагмент о приходе Машиаха (Мессии). Я верую полной верой, что он вскоре придет, хотя он и медлит. Говорят, религиозные евреи это пели на пороге газовых камер. Хотя он и медлит. Эта молитва завершает реквием.

Моя скорбь о сгоревших в огне Катастрофы. И надо же, чтобы исполнили именно в Германии. Тянет на символ. Немцы, средний их класс, они привыкли к музыке. Это для них, как умываться и чистить зубы. Такая гигиена культуры. Но мне кажется, я их достал, выбил их из обыденного ритуала слушания. Они были потрясены. Это было видно и по реакции публики, и по рецензиям. Конечно, дело не только в музыке. Но мне кажется, она повернула их к ужасу и безмерности Катастрофы.

Однако мне хотелось создать памятник не только евреям — жертвам Катастрофы (хотя прежде всего — им). Это памятник евреям — жертвам всех гонений. Один из базовых текстов — знаменитый “Город резни” Бялика. Написано по следам кишиневского погрома. Еще в более широком смысле — это вообще обо всех жертвах: всех национальностей, всех времен и народов. Еврейское слово скорби обо всех жертвах в мире.

Ну, и в самом широком смысле — реквием, как ему и положено, — это вообще о каждом из нас. Экзистенциальный опыт страдания и противостояния смерти. Осмысления страдания и смерти. Я ведь посвятил эту вещь своему покойному отцу. А он не был жертвой преследований. Он не был героем и мучеником. Обычный человек, он умер своей смертью. В сущности мы все и всегда, даже в самом сердце своего благополучия — всегда на пороге смерти. И каштаны, которые видела Анна Франк, и “Я верую” — все это имеет отношение к каждому человеку. Этим я вовсе не хочу как-то смягчить ужас и уникальность Катастрофы. Я просто говорю, что все это имеет отношение к каждому.

Одна из последних моих вещей — кантата на “Гарики” Губермана. Все как-то смехом, но в сущности он глубоко трагический автор. И тем мне близок. Я долго думал, как правильно выстроить литературный ряд. Там в основном речь идет о трагедии бытия, о смерти, такие уж стихи отобрал, и в этом плане “Гарики” как-то соотносятся с “Еврейским реквиемом”. И знаете, я не смог закончить на смерти. В предпоследнем “Гарике” у меня неволя, нездоровье, нищета, смерть приближается, но это все-таки не конец, а конец такой:

НОВОСЛОБОДСКОЙ, 73

другие звери" с музыкой Михаила Броннера.

В последние годы композитор тяготеет к сакральным текстам – они звучат у него на языке оригинала. Это "Ave Maria", "Stabat mater", "Dona nobis pacem". Шесть городов Германии рукоплескали его "Еврейскому реквиему" – произведению, посвященному Катастрофе европейского еврейства в годы Второй мировой войны. "Еврейский реквием" исполнялся на лучших концертных площадках Германии и был принят восторженно.

Не так давно Михаил Броннер написал вокальный цикл на "Гарики" Игоря Губермана, в котором неожиданно артикулирована трагическая тема, сближающая этот цикл с "Еврейским реквиемом".

Музыка Михаила Броннера, неразрывно связанная со словом, погружая его в соприродный внерациональный контекст, бесконечно углубляет его и расширяет его границы.

Произведения Михаила Броннера вот уже 14 лет исполняются на ежегодном международном музыкальном фестивале "Московская осень".

Когда клубится страх крошечный
И тьму пронзает лай погонь,
Благословен любой, посмевающий
Не задувать в себе огонь.
Тут и Освенцим, и Гулаг, и вообще вся ис-

там или не быть – чепуха какая-то, кому все это нужно, что за вопрос такой дурацкий? Да, конечно, быть!

Вот я и хочу сказать, что все эти персики райские вовсе не для меня. Не для моего же-

ДВИЖЕНИЕ

и о себе

тория человечества, и каждый конкретный человек с его конкретным жизненным выбором. Да. Это мое такое исповедание веры. Ани таким вот образом маамин.

Понимаете, в религиозных текстах, в религиозных сюжетах есть мощный экзистенциальный пласт. Вот есть страх, и даже крошечный страх, как у Губермана, есть тьма и есть ваша решимость, несмотря ни на что, оставаться человеком. Вы можете быть верующим человеком или неверующим, но для вас все равно это все остается в силе: и страх, и тьма, и решимость.

В "Stabat mater" монах обращается к Марии, стоящей у Креста: как мне жаль тебя, как ты страдаешь, я готов был бы жизнь отдать, чтобы облегчить твои муки, ведь невозможно же смотреть на этот мир с его безобразиями. И действительно, невозможно. Что на свете творится – кошмар!

лудка фрукт. У меня язва, мне все это не годится. Я мрачный человек, и для меня все эти проклятые вопросы совсем не дурацкие, и если я уж что и пью, так водку, а не шампанское и притом без всякой эйфории.

Ну и как прикажете при таких делах укрощать строптивую? Тут надо какой-то ход было избрести, какой-то ключ подобрать. А иначе совсем невозможно – ну не мое, и все! Я, честно говоря, стал, было, перечитывать и даже не осилил, поверите, ну даже не осилил: не идет и все! И я тогда придумал такую штуку. Музыкальную мистификацию. Вроде как "Рукопись, найденная в Сарагосе". "Песни западных славян". Как будто все это вовсе не я написал, и музыка это вовсе не моя. Я – и в то же время не я. И после этого все как-то так полегоньку пошло-поехало. И даже вполне занятно и увлекательно.

Почему я о чем угодно – только не о музыке собственно? А что вы хотели бы от меня услышать? Музыковедческий комментарий? Но я все-таки композитор, а не музыковед. Вообще-то обо мне специалисты

Немецкая пресса о "Еврейском реквиеме"

"Каждый из нас может быть благодарен за то, что это произведение, сочиненное в конце отмеченного цепью страданий столетия, подарило людям надежду и примирение. Публика, поднявшись со своих мест, наградила Михаила Броннера овациями. Это была поистине захватывающая премьера. Зал вместе с многочисленными исполнителями благодарил композитора за музыку, которую нельзя не назвать грандиозной".

"Я считаю произведение Михаила Броннера гениальным: у него есть свой особый музыкальный язык, эта музыка проникает прямо в сердце".

"Хотя этим произведением композитор хотел создать памятник еврейской культуре в Европе, однако его намерение было шире, нежели только проследить цепь мучений столетиями преследуемого народа – "Еврейский реквием" направлен против всякого насилия и призывает к соблюдению прав человека".

"Перед воспламененными слушателями разворачивается действие, принимающее поистине кинематографический размах".

"Михаил Броннер точно и бережно вводит в действие музыкальные эффекты. Его условное пространство, представляемое симфоническим оркестром, четырехголосым хором и квинтетом солистов, заполнено многими утонченными сюрпризами. Это и расположение ударных, и использование необычных инструментов, и классически звучащая труба – все направлено на слушателя. Глиссандо ударных и хора действуют, как физическое ощущение боли".

"Вряд ли кто-нибудь смог бы устоять перед силой обаяния, исходящего от этой роскошной фрески. Замечательно, что длительные овации начались не сразу после окончания, а лишь спустя несколько секунд абсолютной тишины в зале. Композитора по праву приветствовали криками "Браво!"

А тут мне Брянцев говорит: напиши-ка, давай, балет "Укрощение строптивой". От "Оптимистической трагедии" приехали к "Укрощению строптивой". Вот те на! Удивительное направление. Ну и я даже несколько изумился: как же это я напишу? Я это не умею. Тут, можно сказать, ода к радости, обнимитесь, миллионы. Тут беспечность и веселье с шампанским пополам. Понимаете, это такая условная Италия. А на самом-то деле райская жизнь. Могли бы здесь жить Макбет с Гамлетом? Да никогда в жизни!

Такое, знаете ли, царствие небесное; все молодые, здоровые, богатые, ни у кого ничего не болит, веселятся, пьют вино и все непрерывно трахаются, не испытывая от такой прекрасности жизни ни малейшего пресыщения. И никаких проблем! Никаких! Решительно никаких! Никакой крови, ведьм, яда и безумных утопленниц. Без шума и ярости. Без Розенкранца и Гильденстерна, да пропади они все пропадом! Быть

пишут. Если хотите, могу показать. Сложно, между прочим, пишут – признаться, я сам не все понимаю. Иной раз начинают объяснять, так мне даже интересно: ведь я когда писал, ну ни о чем таком вовсе не думал. Но только музыка сама за себя говорит. Хотите послушать?

Надоедал Михаилу Броннеру и отвлекал его от написания нотных знаков

Михаил ГОРЕЛИК.